

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. СОРОКИНА

Н.А. Володько

Ключевые слова: прецедентное имя, собственное имя, аллюзия, языковая игра, Сорокин.

Keywords: precedent name, proper name, allusion, language game, Sorokin.

Творчество Владимира Сорокина обществом и критиками оценивается неоднозначно. Одни видят у писателя уникальное дарование и «феноменальное чутье» в отношении гниющих язв цивилизации (Л. Улицкая), другие считают его произведения «похабными», а самого автора называют «литературным бездарем» (литературный критик А. Быстрицкий). Однако дискуссии вокруг произведений Сорокина затрагивают, прежде всего, сюжетные линии. В то время как достаточно интересный язык писателя остается за пределами обсуждений и исследований. Для самого же автора любой текст – «всего лишь буквы на бумаге». Такое понимание превращает текст в материю языковой игры. Часто основой языковой игры в произведениях Владимира Сорокина становятся имена собственные.

Автор активно пользуется свойством имен собственных, обусловленным особенностями их лингвистической природы, вызывать цепи связанных с ними ассоциаций, представлений, признаков.

Отличительной чертой языка произведений Владимира Сорокина можно назвать использование имен собственных, широко известных современному русскому человеку. Лингвисты называют такие имена прецедентными, аллюзивными, логоэпистемами.

Термин «прецедентный текст» был впервые введен в научную практику Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году, и активно используется многими исследователями. Ю.Н. Караулов называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и

широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 216]. Развивая точку зрения Караулова, А.А. Евтюгина пишет, что прецедентный текст является минимальным культурным знаком, выполняющим специализированную прагматическую функцию, регулирующую отношения данного письменного текста к отсутствующему тексту, культурную память о котором хранит прецедент, попавший в новую текстовую среду [Евтюгина, 1995, с. 7]. Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров говорят о том, что прецедентные высказывания, являясь в структуре исходного текста заголовком (названием), инициальным предложением фрагмента, абзаца, текста, конечным предложением текста, аккумулируют его прецедентность, свертываясь до соответствующей сильной позиции: до заголовка, до этапного предложения, до конечного предложения. Этот процесс свертывания авторы называют текстовой редуцией [Костомаров, Бурвикова, 1994, с. 74]. В ряд прецедентных текстов со временем стали ставиться разнопорядковые явления (прецедентное имя, название, фразеологизм, цитата, хрестоматийный текст целиком), и это обусловило появление других терминов, описывающих данное явление: «прецедентный феномен», «логоэпистема». Так, исследователи Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева считают, что прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными: «к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речевой деятельности, ко вторым – произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения» [Гудков, 2002, с. 46]. Термином «логоэпистема» обозначаются разноуровневые лингвострановедческие ценностные единицы (слова-понятия; крылатые слова, фразеологизмы, прецедентные тексты, «говорящие» имена и названия), представляющие аккумулированное знание фактов культуры [Костомаров, Бурвикова, 2001, с. 37]. Е.М. Дронова считает, что «употребление аллюзивного топонима или антропонима обычно представляет собой метафорический перенос имени знаменитого персонажа, героя, исторического лица, а также названия мест исторических или вымышленных событий на другие лица или события на основании общности их сигнификативной специфики» [Дронова, 2006, с. 186]. Е.А. Нахимова «метафорическое использование имени собственного для обозначения в переносном значении человека, который в той или иной степени похож на «законного» носителя

соответствующего антропонима» называет прецедентным именем [Нахимова, 2007, с. 36]. А.Б. Цыренова определяет аллюзивное имя как «свернутую информацию, полученную нами из предшествующих текстов» [Цыренова 2010, с. 160]. Л.Ю. Горнакова прецедентным называет «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (Бедная Лиза, Обломов), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин); в состав прецедентных имен входят также 3) имена-символы, указывающие на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Наполеон, Сальери)» [Горнакова, 2011, с. 63].

Мы считаем необходимым разграничить понятия прецедентное имя и аллюзийность.

Исходя из того, что аллюзия – это, прежде всего, намек (от франц. Allusion намек, лат. Alludere намекать), считаем аллюзию результатом ввода прецедентного имени в имеющийся текст. Автор вводит в текст определенное прецедентное имя, тем самым создает намек на какие-либо явления, ситуации, признаки.

Прецедентные имена собственные, введенные Владимиром Сорокиным в произведение с целью создания намека на что-либо, мы делим на два типа с точки зрения механизма их реализации в текстах и функционирования.

Так, в произведении В. Сорокина «Роман» использование прецедентных имен собственных в речи персонажей очень распространено. Устойчивость ассоциаций, связанных с неким лицом, позволяет автору использовать его имя для обозначения людей, обладающих чертами, сходными с чертами первоначального носителя данного имени. В большинстве случаев в качестве прецедентных используются имена реально существующих людей, литературных персонажей, мифологических героев. Например:

«Вы, верно, забыли, в каких я отношениях с этими убогими Гаргантюа» - в данном контексте для характеристики семьи священника наряду с определением «убогие» используется имя литературного героя Гаргантюа, являющегося символом множества пороков.

«Несносный человек, прямо какой-то Гамлет Крутойаровский» - в приведенном примере для характеристики доктора Ключина используется имя Гамлет, ставшее символом бездействия.

«Циник и фигляр. Ничего не признает, никого не любит. Базаров какой-то доморощенный» - Доктор Ключин в данном примере

сравнивается с героем романа И.С. Тургенева Базаровым, отрицающим духовные ценности жизни.

*«Прямо шаман какой-то. В жизни – тише воды, ниже травы, а в бане – просто **Никита Кожемяка**»* - прецедентное имя Никита Кожемяка в данном примере использовано для характеристики персонажа Красновского, создающего сильный жар в бане.

В приведенных выше примерах широко известные современному человеку имена даются без изменения, происходит прямой перенос из одного текста в другой. Такие имена мы называем **дословными прецедентными именами**. Они представляют собой свернутую информацию, получаемую нами из предшествующих текстов, и являются одним из способов характеристики, поскольку образ того или иного литературного персонажа, исторического лица вызывает в сознании реципиента ассоциативный ряд признаков.

Употребление дословных прецедентных имен в произведениях Владимира Сорокина является частотным приемом, выполняющим характеризующую функцию, не претендуя на ее полноту, но ярко выражая субъективное отношение автора. Например: *«Вы не **Мицри**, это верно. Но рана на локте вовсе не пустяковая»*; *«Ну и лежите тихо. Вы теперь герой, **Георгий Победоносец**»*; *«Здравия! Здравия! Вот он, **Зигфрид** наш!»*; *«Прелестно, Петр Игнатьевич! Вы просто **Демосфен**»*; *«Ах вы, хитрецы! Коварство и любовь! **Ричард III** и леди **Макбет!**»*; *«Нет! Не верю! Чтоб наш **Илья Муромец** да не смог?!»*; *«Танечка! **Изольда** наших лесов!»*

Заметим, что для полноценного понимания произведений Владимира Сорокина его читатель должен обладать достаточными знаниями в области культуры, литературы, истории.

В произведениях В. Сорокина встречаются широко известные имена, в которых частично изменен внешний облик, однако прототип достаточно легко узнается. Такие имена мы будем называть **трансформированными прецедентными именами**.

Так, в книге «Сахарный кремль» описывается Россия в 2028 году. Одна из сцен в кабаке описана автором следующим образом: *«Мелькает-перекачивается в дыму табачном какой-то **Пургенян**, как говорят, известный надуватель щек и испускатель ветров государственных, бьют друг друга воблой по лбу двое дутиков, **Зюга** и **Жирия**, шелестит картами краплеными околоточный **Грызло**, цедают квасок с газом цирковые, разгибатель подков **Медведко** и темный фокусник **Пу** и **Тин**, хохочет утробно круглый дворник **Лужковец**, грустно кивает головою сладенький грустения **Гришка Вец**»*. В при-

веденной цитате Сорокин использует прецедентные имена собственные, в которых содержится явный намек на современных политических и культурных деятелей: Сергея Кургуяна, Геннадия Зюганова, Владимира Жириновского, Бориса Грызлова, Дмитрия Медведева, Владимира Путина, Юрия Лужкова, Евгения Гришковца.

Из приведенной цитаты видно, что обыгрываются не только фамилии героев, но в контекст могут включаться и намеки на определенные черты личности. Так, например, герой Лужковец представлен как «круглый дворник» (намек на внешность и на социальную роль), Грызло – «околоточный» (околоточный – в Российской империи чин городской полиции, ведавший небольшой частью территории города – околотком; намек на бывшую должность Министра внутренних дел).

В следующем единичном примере аллегорично представлен первый президент России Борис Ельцин:

«Женился я. Потом развелся. А потом и Красная Смута окончилась. И партия перестала.

- А после по ходу Белая Смута началась? – спросил Савоська.

- Точно... мм... потом и Белая Смута началась.

*- Это когда **Трехпалый Враг** на танке в Москву въехал? – осторожно спросил Санек.*

- Точно!»

Автором создается имя собственное Трехпалый Враг, которое содержит в себе намек на общеизвестный физический недостаток Б. Ельцина.

Сатирическая антиутопия В. Сорокина «День опричника» включает целый ряд трансформированных прецедентных имен. Сатира автора имеет вполне определенный адрес – явно вычлняемые прототипы. Например: *Поэт-концептуалист Всеволод Некрос* – русский поэт, теоретик искусства, один из основателей «московского концептуализма» Всеволод Некрасов; *палач для сечения интеллигенции Шка Иванов* – директор московского издательства Ad Marginem Александр Иванов; *Подручный палача Мишаня Кавычки* – заместитель директора московского издательства Ad Marginem Михаил Котомин; *Подъячий Данилков из Словесной Палаты* – русский журналист, литературный критик, писатель Лев Данилкин; *Председатель Писательской палаты Павел Олегов* – русский писатель, публицист Олег Павлов; *Заместитель председателя Писательской палаты Павло Басиня* – российский литературовед и литературный критик Павел Басинский.

Прототипы вычлняются не только с помощью раскодирования имен. Автор заостряет внимание на некоторых особенностях героя. Так, например, шут императрицы *Дуга-леший* постоянно повторяет в своей речи слово «*Ев-газия!*». Здесь содержится намек на Александра Дугина – русского философа, политолога, социолога, публициста, который отстаивает идеи евразийства, является основоположником неоевразийства.

Также в тексте содержатся трансформированные прецедентные имена, из которых «вычлняются» следующие известные личности: политолог Глеб Павловский (*Павлушка-еж*), писатели Ирина Денежкина (*Иродиада Денюжкина*), Сергей Шаргунов (*Савватий Шаркунов*), Михаил Веллер (*Михаил Швеллер*), Дарья Донцова и Полина Дашкова (*Дарья Адашкова*), Оксана Робски (*Оксана Подробская*), актер Константин Хабенский (*актер Хапенский*), члены террористических организаций Салман Радуев и Шамиль Басаев (*Салман Басаев*).

Трансформированное прецедентное имя – элемент языковой загадки, у читателя появляется интерес, такой прием побуждает адресата к активной мыслительной работе.

Трансформированное прецедентное имя, как правило, выполняет оценочную функцию, причем дается оценка не выдуманным героям, а их прототипам. Обычно эта оценка носит характер сатиры или сарказма и усиливается ассоциативным контекстом («*круглый дворник*» - ср.: круглый дурак, «*темный фокусник*» - ср.: темная личность).

Вслед за С.И. Виноградовым можно выделить литературные прецедентные имена (имена героев литературных произведений) и исторические (имена реально живших или живущих людей). При этом заметим, что дословные прецедентные имена бывают как исторические, так и литературные, то трансформированные - только исторические.

Таким образом, проанализировав ряд произведений Владимира Сорокина с точки зрения употребления в них имен собственных, можно сделать вывод, что этот автор использует достаточное количество прецедентных имен собственных, разнообразных по сферам-источникам, тем самым осуществляя экспрессивную игру со словом, которая призвана привлечь внимание и развлечь читателя. Дословное, или нетрансформированное, прецедентное имя собственное создает аллюзию к фрагменту прецедентного текста, а транс-

формированное прецедентное имя создает двойную аллюзию – к прецедентному имени и связанной с этим именем ситуации.

Литература

Горнакова Л.Ю. Роль аллюзивного антропонима в семантике художественного текста // Известия Ивановского химико-технологического университета. 2011. № 1.

Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 4.

Дронова Е.М. Семантические характеристики аллюзивных имен собственных // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2006. Вып. 4.

Евтюгина А.А. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России–4. М., 2000.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.

Сорокин В. День опричника. М., 2009.

Сорокин В. Роман. М., 2008.

Сорокин В. Сахарный Кремль. М., 2008.

Цыренова А.Б. Аллюзия как средство выражения авторской интенции (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2010. Вып. 45.